

ИСТОРИЧЕСКІЯ
МОНОГРАФІИ
И
ИЗСЛѢДОВАНІЯ

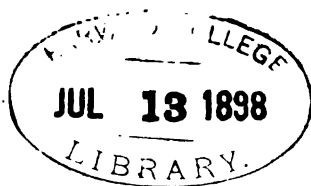
Николая Костомарова.
KOSTOMAROV,
"IST. MONOGRAPHII," "12-13,"
ИЗДАНИЕ Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.



САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Траншея, на углу Невск. и Влад. пр., д. № 45 — 1.
1878.

Star. 720.2



Gardner fund.

НАЧАЛО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ

ВЪ

ДРЕВНЕЙ РУСИ.



НАЧАЛО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ

въ

ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Писатели, сообщающіе историческія свѣдѣнія о древнихъ Славянахъ, согласно между собою показываютъ, что въ тотъ періодъ, когда исторія начала знакомиться съ славянскими племенами, Славяне не терпѣли единовластія, оказывались неспособными къ сплоченію и образованію государствъ, до чрезвычайности любили свободу и, по причинѣ своего свободолюбія, жили малыми общинами или республиками, не только не додумавшись до установленія между этими общинами взаимной охранительной связи, но оставляя необузданный произволъ ссорамъ и недоразумѣніямъ, которые неизбежно должны были возникать между ними. Не слѣдуетъ видѣть въ этомъ какого-нибудь исключительнаго, какъ бы судьбою заранѣе предназначеннаго племеннаго свойства. Славяне долѣ своихъ европейскихъ соплеменниковъ сохранили тотъ характеръ разбивчивости и первобытнаго натурального свободолюбія, который хотя съ многоразличными и своеобразными видоизмѣненіями въ разныя времена существовалъ вездѣ и у всѣхъ. Ссорами славянъ пользовались иноплеменики, и потому славяне безпрестанно попадали въ рабство, то къ тѣмъ, то къ другимъ. Такъ проходили вѣка за вѣками. Порабощеніе дикими

*

или полудикими завоевателями не могло быть долговременно: по скудости условий жизни завоевателей, при всей временной тягости, оно не составляло большого впечатления на нравахъ и обычаяхъ побѣжденныхъ и покоренныхъ. Славяне самою судьбою, безъ большихъ усилій, освобождались отъ иноплеменнаго ига, но потомъ легко и скоро подпадали подъ другое. Несчастія мало ихъ научали. Гдѣ только славяне были предоставлены самимъ себѣ, тамъ они оставались съ своими первобытными качествами и не выработывали никакого прочнаго общественнаго строя, пригоднаго для внутренняго порядка и вѣншей защиты. Только крѣпкое завоеваніе или вліяніе иноземныхъ стихій могло бы привести ихъ къ тому. Шляхетская Польша, едва ли не самая чистая славянская нація, сохранившая въ своемъ національномъ характерѣ тѣ черты, которыми отличались славяне за тысячелѣтія, рѣзко показала исторіи, къ какому политическому и общественному строю способны придти славяне, предоставленные себѣ самимъ, свободно развивая свои древніе національные задатки. Польша выработала себѣ республику, но безъ тѣхъ свойствъ и условий, которыми можетъ держаться республика; дала своей республикѣ монархическую вѣншность, но питала постоянное отвращеніе къ монархіи и вѣчно опасалась превратиться въ настоящую монархію. Такъ дѣлалось въ той славянской странѣ, которая менѣе другихъ подвергалась насильственному давленію иноземщины. Въ Чехіи монархическій элементъ былъ вносимый, нѣмецкій. Въ Сербіи онъ явился временнымъ продуктомъ византизма и не представлялъ ничего прочнаго. Но Русь сроднилась съ монархизмомъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе славяне; только здѣсь онъ вошелъ въ плоть и кровь народа до такой степени, что русское политическое общество сдѣлалось почти невысказаннымъ иначе, какъ въ образѣ монархіи.

Въ наукѣ существовало и до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что развитіе монархическаго принципа слѣдуетъ видѣть во всемъ ходѣ русской исторіи, съ водворенія княжескаго варяжскаго рода, или такъ-называемаго основанія русскаго го-

сударства. Выводили монархію изъ того родового быта, въ которомъ пребывали славяне въ незапамятныя времена, такъ что послѣдующая эпоха царскаго самодержавія представлялась естественнымъ продолженіемъ того, что возрастало послѣдовательно и непрерывно многіе вѣка, и весь смыслъ нашей политической исторіи, главнымъ образомъ, заключается въ постепенномъ построеніи единодержавнаго государства. Такой взглядъ, съ видоизмѣненіями въ подробностяхъ, высказывали многіе достопочтенные дѣятели русской исторической науки и, сообразно такому взгляду, они не признавали за татарскимъ завоеваніемъ ничего важнаго, ничего такого, что бы измѣнило нашъ общественный бытъ и наши понятія объ устройствѣ государственнаго тѣла. Татарское завоеваніе, по ихъ мнѣнію, отразилось только разореніемъ и народными бѣдствіями; но и безъ татарскаго завоеванія на Руси вышло бы тоже самое, что вышло путемъ непрерывнаго развитія на непреложномъ основаніи историческихъ законовъ. Г. Кавелинъ, наприм., приписывалъ зародышъ монархическаго принципа особенностямъ великорусскаго племени, которое позднѣе другихъ составилось изъ переселенцевъ западной и южной Руси въ восточныя страны, смѣшавшихся тамъ съ народами финно-турскаго племени, но согласно съ г. Соловьевымъ и онъ не признаетъ вліянія татарскаго завоеванія на послѣдующее устройство Россіи. Не такъ это было на дѣлѣ.

I.

Въ древнія доисторическія времена славяно-русскій народъ разбивался на народцы: каждый имѣлъ свое особое названіе, свои обычаи, свою исторію и свою генеалогію: послѣднее показывается лѣтописцемъ о радимичахъ и вятичахъ, производившихъ себя отъ родоначальниковъ Радима Вятка; мы думаемъ, что и вообще названіе народа на «ичи», чаще всего означало происхожденіе отъ родоначальника. По словамъ на-

шего стараго лѣтописца, каждый изъ этихъ народцевъ отличался «своимъ правомъ и обычаемъ»; несогласно жили они между собой, напротивъ, вели междоусобныя войны, какъ показывается вражда, существовавшая между полянами и древлянами. Такая рознь славянскихъ племенъ, жившихъ на русскомъ материкѣ, не изгладилась, однако, между ними сознанія общаго для всѣхъ племеннаго единства и оттого-то они всѣ легко усвоили названіе русскихъ. Самое время, когда возникло это общее для нихъ воззваніе, еще не опредѣлено исторією окончательно. Во времена болѣе ясныя мы застаемъ слово «Русь» какъ бы мѣстною принадлежностью земли полянъ; но это слово тогда имѣло и болѣе обширное значеніе, обнимавшее вообще всѣ славянскія племена нынѣшняго русскаго материка: такъ лѣтописецъ, пересчитавъ эти племена одно за другимъ, говоритъ: «ся бо словенескъ языкъ въ Руси», и слѣдовательно разумѣетъ подъ этимъ словомъ всю страну, населенную пересчитанными племенами, а между тѣмъ онъ писалъ въ то время, когда Русью означали преимущественно кievскую землю. Нельзя навѣрное утверждать, что это названіе занесено къ намъ пришлыми варягами, какъ обыкновенно думаютъ. Быть можетъ, оно было нашимъ домашнимъ названіемъ и прежде, такъ что еще въ глубокой древности, когда славяно-русскія племена не соединены были властью единого княжескаго рода, уже для нихъ существовалъ общій признакъ единенія подъ общимъ для всѣхъ названіемъ Руси. Во всякомъ случаѣ, если нѣсколько народцевъ могли додуматься до взаимнаго избранія единой власти надъ собою, а другіе болѣе или менѣе легко усвоивали объединяющее начало, то это одно показываетъ, что, при разности обычаевъ и правовъ, между славяно-русскими народами было сознаніе ихъ связи, склонявшее всѣхъ къ единенію. При такой наклонности къ единству, вмѣстѣ съ существованіемъ собственныхъ правовъ и обычаевъ въ каждомъ народѣ отдѣльно, зародышъ федераціи лежалъ въ первобытномъ строѣ общественнаго быта. Разумѣется, мы здѣсь говоримъ о тѣхъ первоначальныхъ

признакахъ; которые, какъ растин, указываютъ на будущее растеніе, а не воображаемъ себѣ существованія какихъ-либо формъ общественной связи, способныхъ быть причисленными къ видамъ федераціи.

Каждый изъ народцевъ составлялъ уже до нѣкоторой степени политическую единицу подъ названіемъ «Земли». Слово это, въ полномъ его значеніи, мы встрѣчаемъ при описаніи покоренія древлянъ Ольгомъ. Послы прибывшіе въ Кіевъ сватать Ольгу за князя своего Маха, объявили ей, что ихъ послала вся Деревская Земля.... Такимъ образомъ, видно, что понятіе о Землѣ, какъ о политической единицѣ, совмѣщавшей въ себѣ самовластіе народа, понятіе, которое мы встрѣчаемъ развитымъ и укорененнымъ въ болѣе позднія времена, существовало и въ отдаленныя эпохи. Гдѣ была Земля, тамъ необходимо должно было быть и собраніе Земли; иначе, безъ этого собранія, Деревская Земля не могла бы посылать отъ себя пословъ; слѣдовательно тогда уже были вѣча — слово, означающее совѣщательное собраніе Земли. Кромѣ вѣча, у Земли были и начальники—князья. Впослѣдствіи, мы ясно видимъ, что гдѣ была Земля, тамъ было и княженіе, а иногда и нѣсколько княженій; тоже было и въ болѣе отдаленное время; изъ нашего же стараго лѣтописца мы узнаемъ, что еще до прибытія варяговъ у cadaго изъ народцевъ было, кромѣ своей Земли, еще и свое княженіе; «Держати почаша родъ ихъ княжене въ Поляхъ въ Древахъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане». Здѣсь княженіе совпало съ Землею. Какого роду были эти князья—мы не знаемъ; были ли то родоначальники, дѣлавшіеся князьями по рожденію и по праву родового старѣйшинства, или же то были князья, выбранные на совѣщаніи Земли,—лѣтописцы объ этомъ молчатъ. Едва ли есть какіе-нибудь положительные признаки, по которымъ можно заключить такъ или иначе. Мы также не знаемъ, куда дѣлись эти князья съ ихъ родами послѣ прибытія варяговъ съ ихъ родомъ, и какъ они исчезли. Несомнѣнно только то, что съ половины IX вѣка,

другой родъ, призванный извнѣ (если только на слово вѣрить лѣтописнымъ сказаніямъ), начинается замѣнять прежнихъ князей славяно-русскаго материна. Подробности, съ какими совершалась эта замѣна у русско-славянскихъ племенъ, отъ исторіи ускользнули, кромѣ Деревской Земли.

Приемы, съ какими управляли наши первые пришлые князья, показываютъ, что у нихъ не было сознанія государственнаго начала. Власть ихъ ограничивалась сборомъ дани съ тѣхъ, съ кого собрать было можно. Цѣль достигалась двумя способами: первый состоялъ въ томъ, что князь разѣзжалъ по землямъ и бралъ сколько могъ; такой способъ имѣлъ характеръ набѣга и грабежа, — продолженіе того же, что случилось прежде до призванія варяговъ и что описываетъ лѣтописецъ такими словами: «имяху варязи дань на словенехъ и на чуди и на кривичехъ»; другой способъ собиранія дани — посредствомъ назначенія по городамъ «мужей». Посланный въ городъ, къ которому тянула Земля, окруженный приведенною съ нимъ военной силой, такой «мужъ» собиралъ дань вмѣсто князя и отправлялъ ее къ князю, получая себѣ часть за труды. Вначалѣ размѣръ дани не былъ установленъ; князья и ихъ мужи обирали покоренныя племена по своему произволу, и сами подвергались опасности сдѣлаться жертвою ожесточенія народа, если онъ потерпитъ терпѣніе и возстанетъ на своихъ «мучителей»; тогдашніе собирали дани, по сказаніямъ самого лѣтописца, «мучили» покоренныхъ: о Свѣцелдѣ, воеводѣ Игоря, говорится: «и примучи Уличи». Не только самъ князь и посланные имъ мужи, но и княжескіе бояре со своими дружинниками, по собственному произволу, ходили вымучивать дань у слабыхъ и разединенныхъ славянскихъ племенъ. Такъ дружина князя Игоря завидовала дружинѣ Свѣцельда и говорила своему князю: «Свѣцельдовы отроки изодѣлись оружіемъ и платьемъ, а мы наги, пойдемъ, княже, собирать дань; и ты добудешь, и мы. Здѣсь слышится такая же рѣчь, какую услышали бы во всѣ времена отъ шайки разбойниковъ, обращающейся къ своему атаману съ требованіемъ поступить такъ,

какъ поступила съ выгодною для себя шайка другого атамана. Способъ обращенія Игоря съ данниками изобличаетъ вполне разбойничій характеръ. Набравши дани и возвращаясь домой, Игорь разсудилъ, что древляне народъ смиренный и податливый, и задумалъ ограбить ихъ побольше. Ни о какомъ правительственномъ устроеніи покоренной Земли Игорь не думалъ: онъ оставлялъ Древлянской Землѣ ея князя, ея вѣче и древляне невозбранно могли сотворить совѣщаніе между собой о томъ, какъ избавиться отъ разбойниковъ: «повадится волкъ въ овчарню — говорили они — выведетъ все стадо, если не убьютъ его». Таковъ былъ приговоръ ихъ вѣча. Убили игоря, перебили его дружину, точно также, какъ бы перебили всякую другую разбойничью шайку. Описание этого событія въ нашей лѣтописи — живой образчикъ того, какъ въ то время собиралась дань; и въ такомъ собираніи состояла вся дѣятельность власти пришлыхъ князей надъ покоренными народами. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы такое обирательство славяно-русскихъ народовъ должно было совершаться только посредствомъ иноплеменниковъ, и на такомъ предвзятомъ мнѣніи выводить, что вся княжеская дружина состояла исключительно изъ иноплеменниковъ. Для составленія разбойничьей шайки не нужно, чтобы въ этой шайкѣ были исключительно люди иного племени, а не того, который терпитъ отъ ея разбоевъ. Разбойничья шайка легко составляется изъ того же народа, который она разоряетъ; и если въ дружинѣ Игоря были варяги, то конечно были молодцы изъ разныхъ туземцовъ и, вѣроятно, преимущественно вѣвляне, которые находились въ давней враждѣ съ древлянами, а потому наѣздническая алчность должна была у нихъ соединиться съ народною непріязнью къ сосѣдямъ. Вообще въ тотъ вѣкъ было много охотниковъ жить насиліемъ надъ другими. Это послѣднее свойство вѣка подавало князьямъ важнѣйшее средство распространять свою власть надъ покоренными народами. То былъ наборъ военныхъ силъ, который, вѣроятно, происходилъ въ большомъ размѣрѣ, судя по частымъ и широкимъ войнамъ съ Византіей. Въ рати

Олега, по словамъ лѣтописца, находились не только всѣ извѣстные ему народы славянскаго племени на русскомъ материкѣ, но также инородцы — чудь и меря. У Игоря, кромѣ русско-славянскихъ племенъ, были и варяги и печенѣги. Нельзя предполагать здѣсь чего-нибудь въ родѣ военной повинности; звать съ собою на войну было въ тѣ времена скорѣе честь, чѣмъ обязанность. Стоило Олегу и Игорю послать мужей и кликнуть кличъ, и къ нимъ тотчасъ стекались радимичи, сѣверяне, кривичи, словене, уличи и тверцы. Лѣтописецъ, замѣтивъ, что Олегъ велъ рать (войну) съ тверцами, скоро послѣ того помѣщаетъ этихъ враговъ въ ряду воиновъ, пошедшихъ съ Олегомъ къ берегамъ Босфора. Тѣ же тверцы, которые упорно отбивались отъ наѣздника, естественно пошли съ этимъ же наѣздникомъ за одно, лишь только онъ указалъ имъ вдали общую добычу.

Понятно, что часто повторяемые походы на Византію содѣйствовали сближенію русскихъ народовъ, участвовавшихъ въ этихъ походахъ, но до государственности было еще далеко. Въ періодъ отъ прибытія Рюрика до Владимира напрасно искать зачатковъ государства. Правда, въ исторіи мы не рѣдко встрѣчаемъ примѣры, когда завоевательный духъ полагалъ основу государственному принципу, — но когда! Когда завоеватели, такъ или иначе, стремились занять края побѣжденныхъ народовъ, осѣсться въ нихъ прочно и установить какой-нибудь порядокъ. У варяжскихъ князей и ихъ дружинниковъ, какъ внутри русскаго материка, такъ и въ войнахъ съ византійской имперіей, не было другой цѣли, кромѣ добычи. Походъ Святослава на Болгарію предпринять былъ въ такомъ же наѣздническомъ духѣ, какой руководилъ его предшественники въ дѣлахъ съ славяно-русскими народами. Легкость, съ какою Святославъ промѣнивалъ русскій Кіевъ на болгарскій Переяславецъ, наглядно указываетъ, что варяжскіе князья за цѣлое столѣтіе власти надъ русскими славянами не выработали для себя на русской почвѣ государственныхъ взглядовъ и понятій. Что наѣздническое на-

госегеніе власти въ ранній періодъ нашей исторіи было причиною того, что эта пришлая власть не измѣнила древнихъ народныхъ обычаевъ и быта, не приносила съ собою ничего существенно новаго, и народы при благопріятныхъ условіяхъ, могли впослѣдствіи развиваться на собственныхъ началахъ. Земли оставались съ своимъ самоуправленіемъ; наѣзтники довольствовались грабежемъ, гдѣ только представлялся случай; около нихъ толпились молодцы, готовые вѣстѣ съ ними поживляться насчетъ кого бы то ни было. Такимъ образомъ, князья расправлялись съ русскими при помощи не только варяговъ, но и русскихъ: съ полянами ходили на древлянъ, съ сѣверянами на радимичей, съ кривичами на уличей или тиверцевъ и т. д., и со всѣми ими ходили они грабить грековъ. Варяжскіе князья, владѣя славянскими народами, не требовали отъ нихъ существенныхъ измѣненій быта. Долгое время подчиненные народы, платя дань наѣзникамъ, имѣли своихъ князей. По крайней мѣрѣ посланные отъ Игоря заключать договоръ съ греками, были «отъ великаго князя русскаго и отъ всякое князья и отъ всѣхъ людей русскіе земли».

Замѣчательно, что Ольга первая является въ исторіи съ нѣкоторыми признаками государственности; это видно изъ установленія дани и уроковъ. До тѣхъ поръ не было никакого установленія: брали сколько хотѣли. У Ольги разбойничій наѣздъ сталъ замѣняться подобіемъ закона. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что великая княгиня Ольга поступила такъ вслѣдствіе знакомства съ приемами греческой образованности, которое должно было произойти послѣ крещенія. Мы допускаемъ это тѣмъ болѣе, что годъ крещенія Ольги никакъ нельзя отнести къ году путешествія ея въ Константинополь, описаннаго императоромъ Константиномъ: изъ того же описанія видно, что она была уже крещена, потому что шѣла въ своей свитѣ духовника, слѣдовательно, крещеніе ея должно было произойти ранѣе, можетъ быть въ Кіевѣ, а мо-

жеть быть и въ Цареградѣ, только не въ тотъ прѣздъ, о которомъ сохранилось византійское извѣстіе, а потому установленіе дани и уроковъ могло случиться тогда когда она была уже крещена и ознакомилась съ греческими понятіями о законѣ.

Но такъ или иначе, а признаки государственныхъ дѣйствій въ поступкахъ Ольги были также исключительны и единичны, какъ ея крещеніе, и не положили основанія единодержавному государству на Руси. Въ послѣдующія за тѣмъ времена давняя раздѣльность выказывается рѣзко. При ольгинѣмъ сынѣ Святославѣ, новгородцы приходятъ въ Кіевъ просить себѣ князя вовсе не такъ, какъ подданные, а какъ независимый народъ; они грозятъ кіевскому князю, что если онъ не дастъ имъ князя, то они и безъ него и сами себѣ выберутъ въ иномъ мѣстѣ. Святославъ покорила вятичей и наложилъ на нихъ дань, но вятичи, скоро послѣ смерти завоевателя, не хотѣли повиноваться его преемникамъ, должны были подвергаться новымъ завоеваніямъ и до конца XI вѣка управлялись своими князьями не рюрикова рода: одного изъ такихъ князей, Ходоту, побѣдилъ уже Владимиръ Мономахъ. Въ Земляхъ кривичей и дреговичей, тотчасъ послѣ смерти Святослава, появляются князья не ихъ рюрикова рода—въ Полоцкѣ Рогволодъ, а въ Туровѣ Туръ: то были пришельцы изъ-за моря; неизвѣстно, откуда они прибыли и какииъ образомъ успѣли въ русскихъ земляхъ, но во всякомъ случаѣ, они не были посажены князьями кіевскими, слѣдовательно бѣлорусскій край не принадлежалъ послѣднимъ.

Владимиръ открылъ новую эпоху сплоченія славянорусскихъ народовъ. Съ чужеземною помощью варяговъ этотъ князь побѣдилъ и уничтожилъ своего брата Ярополка, истребилъ Рогволода съ семьей, овладѣлъ затѣмъ полоцкою Землею, усмирилъ возставшихъ вятичей и присоединилъ къ Кіеву югозападную часть славянорусской страны, которую оспаривали ляхи (Червень, Перемышль и другіе города). Владимиръ, какъ показываетъ лѣтописецъ, одолженъ былъ своими успѣхами

пришлой силѣ варяговъ, и хотя отослалъ ихъ въ Грецію, когда они стали ему въ тягость, но часть ихъ оставилъ у себя и роздалъ нѣкоторымъ изъ нихъ города въ управленіе. Это показываетъ, что кievскій князь нуждался въ иноземной силѣ для поддержанія своей власти. Вятичей ему приходилось укрощать еще одинъ разъ. Вzbунтовались и радимичи, но воевода Владимира, Волчій Хвостъ, укротилъ ихъ. Способъ власти надъ укрощенными радимичами оставался прежній: побѣжденные должны были давать дань и возить повозы (подводы). Этимъ и ограничивалось ихъ подчиненіе Киеву.

Такимъ образомъ, и при Владимирѣ-язычникѣ власть князя надъ подчиненными народами продолжала имѣть прежній наѣздническій характеръ. Она по прежнему поддерживалась дружиною, составленною изъ разныхъ пришельцевъ; кто хотѣлъ, тотъ и поступалъ къ князю; кто былъ угоденъ князю, тотъ и возвышался передъ другими. Недаромъ старыя пѣсни о временахъ Владимира Краснаго-Солнышка приводятъ его богатырей изъ разныхъ странъ: кто изъ земли греческой, кто изъ заморья, кто изъ града Леденца (олицетвореніе сѣверныхъ холодныхъ странъ), кто изъ Галича, кто изъ Муромъ, кто изъ города, кто изъ села, кто поповскій сынъ, кто крестьянскій. Эта дружина знала одного князя; князь ее одѣвалъ, поилъ, кормилъ, ласкалъ: она была опорой князю, исполняла его волю, за то и князь зависѣлъ отъ дружины, долженъ былъ совѣтоваться съ нею и даже потакать ея своимъ вѣраію и прихотямъ. Такимъ образомъ, дружина Владимира, зазнавшись, не хотѣла есть деревянными ложками и требовала серебряныхъ. Владимиръ исполнилъ ея желаніе: «Серебро и золотомъ не найду дружины, а дружиною найду серебро и золото; такъ и отецъ и дѣдъ мой дружиною доискались серебра и золота». Такія слова влагаетъ лѣтописецъ Владимиру, и они краснорѣчиво изображаютъ тогдашнія понятія о власти: цѣль ея была — добыча, а средствомъ для достиженія цѣли — дружина, пестрая шайка удѣльцовъ, набранныхъ отовсюду.